

— Я знаю об этом, — улыбнулся Цзян Цяо. — Строго говоря, это нельзя назвать воровством. Ху Гуанжань недавно проходил пробы на одну телевизионную драму, режиссёр дал устное обещание, но съёмки пересеклись с графиком шоу, и он временно отказался от участия в том проекте. Однако инвесторы надавили, чтобы в сериал взяли другого, и его вытеснили. В итоге он остался ни с чем. Несчастливый случай, конечно, но выбор, что оставить, а что отменить, был его собственным. Нельзя винить того, кто пришёл после.

Тан Сю не смог сдержать удивления, приподняв бровь.

— Я думал, ты целыми днями сидишь дома, скучая, и не умеешь общаться. Не ожидал, что ты так хорошо осведомлён.

Цзян Цяо рассмеялся.

— Я скучаю? С чего ты это взял?

Тан Сю скривил губы.

— Каждый день заказываешь еду на дом, без дела листаешь микроблог, следишь за рейтингами популярных тем, постоянно приходишь ко мне поболтать. Ты...

Он не закончил, так как улыбка в глазах Цзян Цяо стала ещё шире, и он прервал его:

— Занят я или нет, но время для тех, кто мне дорог, я всегда найду.

Тан Сю помолчал.

— Будь серьёзнее, режиссёр.

Цзян Цяо опустил голову, слегка кашлянув, чтобы скрыть улыбку.

— Хорошо.

Дело о слежке за Лу Канцзином зашло в тупик, и Тан Сю, что было для него редкостью, начал нервничать. Если бы это была просто одна из собранных душ, он бы не придавал этому значения, но в ту ночь Стяг сбора душ проявил аномальную активность, и он был слишком увлечён, чтобы выяснить, где именно находится несобранная душа — у Цзян Цяо или у кого-то, связанного с Лу Канцзином.

Продумав всю ночь, к утру в его голове всё ещё крутились эти имена. По интуиции, здесь должна была быть чёткая цепочка связей, но он не мог найти начало этой нити.

Во время съёмок на следующий день Тан Сю совершил ошибку, что случалось с ним крайне редко.

Это была сцена между Сяо Бай и Владыкой людей, его партнёром был Чжан Кайсин. Оба начали без особого энтузиазма, и пришлось переснимать несколько дублей. Тан Сю был в рассеянном состоянии, и на четвёртом дубле он ошибся в реплике.

Изначально он должен был сказать: «Кто написал это стихотворение?», но, увидев реквизит на столе, он машинально произнёс:

— Кто симитировал это стихотворение?

Услышав это, Чжан Кайсин сначала замер, ведь Цзян Цяо не терпел ошибок в репликах. И действительно, через мгновение из громкоговорителя раздался низкий голос:

— Кат!

Съёмки шли уже несколько дней, и режиссёр, казалось, потакал новичку, почти доводя до крайности. Хотя Тан Сю был человеком с хорошей репутацией, зеваки на съёмочной площадке, скучая в долгие ночи, с любопытством наблюдали, как он получит нагоняй.

Чжан Кайсин нервничал за Тан Сю и, увидев, что Цзян Цяо встал из-за своего столика, потянул его за широкий рукав, выключил микрофон и шепнул:

— Не бойся, будь понаглее.

Тан Сю только сейчас пришёл в себя.

— Что?

Чжан Кайсин, видя его растерянное выражение, вздохнул, подумав, что Цзян Цяо, несмотря на свою репутацию «живого Яньло», даже такого спокойного парня, как Тан Сю, довёл до состояния растерянности. Видимо, чем лучше ученик, тем тяжелее ему переносить удары.

— Первый раз, когда режиссёр ругается, он обычно очень строг. Раньше он хорошо к тебе относился, так что просто притворись послушным, извинись и пообещай больше не ошибаться, и всё пройдёт гладко.

Тан Сю наконец понял и не смог сдержать смешка.

Страх... Кажется, он никогда не испытывал такого чувства.

Итак, на глазах у всех Тан Сю стоял прямо, не двигаясь, и все вокруг подумали, что он оцепенел от страха.

Цзян Цяо с суровым выражением лица подошёл к нему и холодно спросил:

— Что с тобой? Такую простую реплику не смог запомнить?

Честно говоря, Цзян Цяо не был более устрашающим, чем обычно, но почему-то Чжан Кайсин почувствовал, как у него выступил пот.

На этот раз, когда режиссёр ругал, атмосфера вокруг была какой-то иной, но он не мог точно сказать, в чём именно.

Он уже собирался вмешаться, но Тан Сю спокойно ответил:

— Извините, режиссёр, вчера плохо спал, отвлёкся.

Чжан Кайсин чуть не упал в обморок, мысленно прокручивая в голове несколько нелестных эпитетов в адрес Тан Сю.

Новичок есть новичок, слишком прямолинеен.

Согласно прошлому опыту, если актёр плохо спал или чувствовал себя неважно, Цзян Цяо обычно говорил: «Личные проблемы не должны влиять на съёмочный процесс, задерживать

других — это уже слишком!»

И, опять же, по прошлому опыту, если актёр отвлекался на съёмочной площадке, Цзян Цяо бросал сценарий с криком: «Ты ещё и мечтаешь на съёмках? Завтра можешь не приходиться!»

Все вокруг замерли, ожидая, что «большой тигр» сейчас взорвётся, но, услышав объяснение Тан Сю, Цзян Цяо, к удивлению, остался спокоен.

Он внимательно посмотрел на Тан Сю, а тот спокойно и невинно смотрел на него. Через некоторое время Цзян Цяо вдруг вздохнул.

— Похоже, так и есть. Мы, кажется, выбрали не очень удачную студию.

Чжан Кайсин подумал, не ослышался ли он.

Цзян Цяо повернулся к нему.

— Мы живём в одном коридоре, тебе не кажется, что ночью слишком шумно?

— Шумно? — Чжан Кайсин каждый вечер, закончив съёмки, звонил жене, а потом засыпал как убитый, никогда не просыпаясь от шума.

Цзян Цяо не стал ждать его ответа, уже повернувшись к сотрудникам отдела снабжения и нахмурившись.

— Кто живёт над нами? Каждую ночь слышен шум, это уже влияет на работу актёров. Пойди, поговори с ними.

Неожиданно вызванный начальник отдела снабжения на мгновение растерялся, машинально пробормотав несколько «хорошо», а потом подумал, как эта проблема вдруг переключалась к нему.

Цзян Цяо повернулся обратно, всё ещё хмурясь, и недружелюбно посмотрел на Тан Сю.

— Если шум мешает, купи беруши, перед сном очисти мысли. Актёр, который не спит, как он может играть?

Тан Сю скромно согласился, а Цзян Цяо добавил:

— Сколько времени я потратил... Давай ещё раз, если снова ошибёшься в реплике, можешь не сниматься, иди спать.

Сотрудники поспешно вернулись на свои места, а Чжан Кайсин, наблюдая, как Цзян Цяо уходит, почувствовал, как странное ощущение страха усиливалось.

Возможно, это звучало как сказка, но он действительно думал, что если Тан Сю снова ошибётся, Цзян Цяо действительно отправит его спать.

Не в смысле «иди спать и больше не приходи на съёмки», а просто отправит отдохнуть, чтобы на следующий день продолжить работу.

— Старший? — Тан Сю поправил воротник и, обернувшись, увидел, что Чжан Кайсин задумался. — Что случилось?

— А, ничего. — Чжан Кайсин с натянутой улыбкой украдкой пересмотрел молодого человека рядом, который выглядел спокойным, как будто ничего не произошло.

Это был действительно удивительный актёр. Даже Цзян Цяо, такой режиссёр... стал удивительным.

Ошибка на съёмках была лишь маленьким эпизодом, съёмочная группа работала в напряжённом ритме, и все быстро забыли об этом. Съёмки Тан Сю в этот день были особенно изматывающими, чередование драматических и боевых сцен, проблемы с реквизитом днём — к концу последнего дубля по графику было уже почти полночь.

Он был измотан, Цзян Цяо позвал его поужинать, но у него совсем не было аппетита, и он просто взял слегка остывший ланч-бокс и вернулся в свою комнату.

После горячего душа он вышел, и вдруг Ван Юй, с которым он редко общался, прислал ему сообщение.

[Сяо Тан, ты уже спишь?]

Тан Сю удивился и ответил:

— Нет, старший, что-то случилось?

Менее чем через пять минут Ван Юй уже стоял у его двери. В руках он держал два листа бумаги, на обратной стороне которых виднелись строки текста. Ван Юй, стоя в дверях, оглянулся на закрытую дверь комнаты Цзян Цяо, непроизвольно сдерживая дыхание, и тихо спросил:

— Можно войти?

— Конечно. — Тан Сю впустил его. — В чём дело?

Войдя, Ван Юй осмотрел обстановку в комнате. Общежитие съёмочной группы было старым, и планировка не отличалась стандартностью. Размеры и мебель в комнатах у всех были разными. Комната Тан Сю была не самой лучшей — маленькая, с устаревшей мебелью, единственным плюсом была чистота.

Ван Юй передал Тан Сю два листа бумаги.

— Я подумал, что ты, кажется, нравишься режиссёру, поэтому пришёл попросить тебя о помощи. Помнишь, я недавно поссорился с Гуанжанем? Режиссер разозлился и сказал, что больше не будет нас снимать. Я написал письмо с извинениями, можешь посмотреть, всё ли в порядке с формулировками?

Тан Сю чуть не рассмеялся.

Что же такого натворил Цзян Цяо в прошлом, что все в индустрии так его боятся? В наше время актёры всё ещё пишут письма с извинениями режиссёрам?